

ДЕМОКРАТИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТОЛОГИИ

Г.Ю. КАНАРШ

*Институт философии РАН,
г. Москва*

e-mail: grigkanarsh@yandex.ru

В статье с позиций характерологической креатологии (нового междисциплинарного подхода к исследованию творчества — в самом широком смысле, включая политическое, экономическое творчество) рассматриваются современные причины трудностей укоренения демократии на российской «почве». Дается обобщенная характеристика этой «почвы» (национально-характерологических особенностей), в сравнении с аналогичными западными (Западная Европа, США) особенностями. Автор стремится подчеркнуть, что «проникнутость» современной либеральной демократии прагматизмом, свойственным в большей мере Западу, чем России, не является фатальным для развития определенных форм демократии в нашей стране.

Ключевые слова: демократия, национальный характер, прагматизм, Россия, Запад.

Введение.

Демократию возможно отнести к универсальным ценностям наряду с экономикой свободного рынка и частной собственностью. Безусловно, демократия, имея западное происхождение, получила сегодня широкое распространение и признание во всем мире, и, как считается, приверженность ей выступает признаком современности. Между тем целый ряд государств, имевших в прошлом опыт тоталитарного и авторитарного развития (в их числе и Россия), но с некоторых пор стремящихся развивать у себя современные формы политической жизни, столкнулись со значительными трудностями в процессе перехода к демократии. Эти трудности, как часто полагают, связаны с не всегда достаточным уровнем демократической политической культуры, неразвитостью политических отношений и институтов (того, что называют «публичной политикой»), грузом патриархальных традиций и т. п. В результате переход к демократии оказывается для новых государств чрезвычайно трудным и болезненным делом, чреватым рецидивами прошлого и откатом к авторитаризму.

Отметим, что в России обсуждение перспектив демократии происходит в принципиально ином, чем на Западе, политическом и историческом контексте. В отличие от западных государств, в которых демократия как таковая состоялась, стала фактом общественной и политической жизни, и сегодня лишь сталкивается с новыми вызовами (вызовами, прежде всего, со стороны глобализации), российский «демократический проект» расценивается подавляющим большинством исследователей как неуспешный, принципиально незавершенный. При этом причины неуспеха и незавершенности этого проекта, по общему мнению, носят не внешний, а *внутренний* характер, будучи связанными с особенностями политических и экономических преобразований конца прошлого — начала нынешнего столетия.

Приведем несколько авторитетных суждений, высказанных в отечественной политологической литературе второй половины 2000-х гг., фиксирующих *результаты* российского демократического транзита. Так, известный историк и политолог Ю. С. Пивоваров констатирует, что демократический транзит в России в очередной раз (как это случалось и ранее, например, в начале XX в.) завершился неудачей. И эта неудача стала особенно заметной в период реформ путинской администрации. «Видимо, к началу второго срока президентства В. В. Путина в основном завершилась эпоха «транзита». Выйдя из пункта «А» Россия пришла к пункту... «А». ...Ведь тран-

зит предполагает попадание в пункт «Б». Однако русский транзит обладает особыми свойствами. Его траектория всегда замысловата, так сказать, в процессуальном отношении, но «провиденциальна» в содержательном. Я бы сформулировал это так: отречемся от старого мира, разрушим его до основания, построим новый и вдруг обнаружим, что все это на самом деле было спасением мира старого — не по форме, по существу»¹.

Сходных оценок результатов российского демократического транзита придерживается историк, политолог Т. Е. Ворожейкина. В статье с характерным названием «Несбывающаяся политика» Ворожейкина рисует выразительную траекторию движения политического процесса в посткоммунистической России, констатируя, что «в результате процессов деинституционализации (происходящих сегодня в России. — Г. К.) не только власть, но и политическая сфера в целом утрачивает публичное измерение. Лишившись реального смысла — конкурентной борьбы за власть, — политика в современной России превратилась в «церемониальную» и тем самым вновь стала пустой и бессодержательной»².

Интересно, что указания на «возвращающийся» характер русской истории, но с иным «знаком», можно встретить и в работах ученых, не всегда стоящих на либерально-демократических (западнических) позициях. Например, авторитетный ученый, политолог В. Н. Шевченко в своих статьях говорит о неких «инвариантах» российской политической жизни, о «традиционном типе государственности» в России, который противостоит реконструируемому им «либеральному типу государственности» и имеет тенденцию воспроизводиться на разных этапах исторического развития. «С моей точки зрения, — пишет Шевченко, — Русское централизованное государство, Российская империя, Советский Союз — все это исторические этапы развития одного традиционного типа российской государственности»³.

Таким образом, исследователи разных политических убеждений (порой прямо противоположных) говорят сегодня о *фактическом возвращении России в «наезженную колею» исторического развития, о возврате ее к своим традиционалистским основам* спустя почти два десятилетия с начала демократических преобразований (рубеж 1980–1990-х годов). Разделяя в целом выводы исследователей о том, что результаты осуществления «демократического проекта» можно признать неуспешными, мне бы хотелось порассуждать о причинах этого успеха с несколько *иной точки зрения*, чем та, что принята в теоретической политологии или политической философии. *Эта точка зрения* определяется представлением о существовании особых стойких *национально-характерологических особенностей*, которые, будучи сами результатом многовековых процессов социоприродного развития, существенно влияют на общий политический, культурный, хозяйственный строй жизни народов⁴.

К методологии исследования.

В самом общем смысле характер, согласно глубоко изучившему этот вопрос врачу и философу М. Е. Бурно⁵, — это некое природное единство *телесного* и *душевного* в человеке, его *душевно-телесная индивидуальность, обусловленная особенностями биологической конституции* (как, впрочем, и характеры животных, у которых, правда, в зачаточном виде, но все же содержатся ростки *человеческих* характеров). Не углубляясь в сложный вопрос о происхождении характеров, можно сказать, что определенный душевный склад, рисунок, как он сложился на протяжении веков

¹ Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 11.

² Ворожейкина Т. Е. Несбывающаяся политика // Отечественные записки. 2007. № 6. (Эл. ресурс).

³ Шевченко В. Н. Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005. С. 169.

⁴ См., напр., материалы сайта «Естественно-научные исследования творческого процесса». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://characterology.ru>

⁵ См.: Бурно М. Е. О характерах людей. М., 2008. С. 129–140.

(и даже тысячелетий), представляет собой *особую природную самозащиту*, оберегающую человека (данного склада) от разного рода вредоносных воздействий (прежде всего воздействий природной среды, но также и социума). В этом смысле говорится об особой природной «выкованности» характера. Сегодня в клинической (реалистической, не психологической) характерологии, развитой и уточненной в рамках школы Бурно, выделяют 12 *основных характерологических типов* («гирлянда характеров») (привожу по классификации М. Е. Бурно):

- 1) сангвинический (синтонный) характер (циклоид);
- 2) напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);
- 3) тревожно-сомневающийся характер (психастеник);
- 4) застенчиво-раздражительный характер (астеник);
- 5) педантичный характер (ананкаст);
- 6) замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);
- 7) демонстративный характер (истерик);
- 8) неустойчивый характер (неустойчивый психопат);
- 9) смешанные (мозаичные) характеры:
 - а) «грубоватый» характер (органический психопат);
 - б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);
 - в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности)⁶.

Важным наблюдением, сделанным в характерологии и имеющим самое непосредственное отношение к общественным наукам, является то, что в разных странах исторически проживают люди с теми или иными характерологическими особенностями и это существенно влияет на духовный и материальный облик как отдельных социальных общностей, так и целых регионов мира. Например, для стран Северной Европы характерными являются замкнуто-углубленный (аутистический) и педантичный (ананкастический) тип, в англосаксонских странах доминирует аутистический тип, во многих странах Южной Европы, а также в Грузии, Израиле преобладают люди с бурно-сангвиническим темпераментом, и т. д. Россия в этом ряду находится как бы между двумя макрорегионами с различной аутистической (замкнуто-углубленной) структурой характера: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности (дефензивностью)⁷.

Национально-психологические особенности, в отличие от «индивидуального» характера, — это то особенное, что есть не у всех людей данной исторической общности (и даже не у большинства в ней), но является *типичным* для нее, накладывает свой отпечаток на все проявления культуры (как материальной, так и духовной) данного народа. «Это — природная особенность души, которая в выразительном, типичном виде присутствует у многих в этом народе, оставляя хотя бы свою тень у большинства людей, составляющих этот народ, и достаточно ярко, проникновенно обнаруживает себя в истории и культуре народа»⁸. Исходя из этого, представляется возможным говорить (уже в духе характерологической креатологии) и о том, как *особенному* проявляются национально-психологические особенности (т. е. типичное душевное у данной общности) в различных областях национальной жизни, в том числе в *общественной сфере*, в экономике и политике. Или, переформулируя этот вопрос применительно к нашему предмету: *какие душевные особенности западных народов нашли отражение в демократической форме политического устройства и, напротив, почему российский душевный склад оказался невосприимчив (как, ду-*

⁶ Бурно М. Е. О характерах людей. С. 10.

⁷ Там же. С. 49, 352–358.

⁸ Там же. С. 353.

мается, со всей очевидностью показали 1990-е годы) к демократии как производению иной (не славянской, не русской) души?

Очевидно, для того чтобы ответить на первую часть вопроса, необходимо сказать о том, что представляет собой сам этот душевный склад, в чем его специфика по сравнению, например, с душевной особенностью русских или восточных народов? Западное душевное устройство (понятно, что речь идет о самой обобщенной характеристике) есть устройство, несущее в себе мощный аутистический радикал (характерологический стержень), при том эта аутистичность с преобладающей *рационалистической, интеллектуальной составляющей*. Под аутистическим, замкнуто-углубленным душевным устройством понимается характер людей *идеалистического склада души* (в противоположность людям с материалистическим мироощущением-мировоззрением), идеалистичность которого сказывается в переживании *изначальности духовного* по отношению к телесному, материальному. Примерами такого переживания, известными из культуры, могут быть и возвышенно-стройные музыкальные композиции И. С. Баха, и столь же стройное, углубленно-символическое (психосимволическое) литературное творчество Г. Гессе, и утонченно-бестелесные образы обнаженных женщин на картинах Модильяни, и отстраненно-теоретическое, лишенное земного полнокровия, но прекрасное в своей сложности-концептуальности научное творчество И. Канта, Г.-Ф.-В. Гегеля, З. Фрейда, А. Эйнштейна, многих других ученых-теоретиков, представителей разных наук (особенно в математике, теоретической физике, идеалистической философии, психологии).

Между тем аутистический радикал в реальности может иметь множество вариантов, создающих большое многообразие его проявлений в науке, культуре, искусстве, как и в общественной жизни, в политике. Одним из таких вариантов можно считать западную, *интеллектуально-рациональную*, аутистичность. Данный тип можно было бы назвать еще *аутистически-прагматическим*, из-за свойственной ему *особого рода практичности* – основанной не на земной расчетливости-расторопности (как, например, у русских купцов), а на (пускай и миниатюрной) *концепции*. «Аутистичность-идеалистичность, в широком (блейлеровском) смысле, нередко весьма практична, но именно теоретически-концептуальной, прагматической практичностью, с ее неослабевающим чувством порядка-гармонии. Американская аутистичность при этом, видимо, более реалистоподобна, нежели европейская. В любом случае аутистичность наводит более или менее основательный, серьезный распорядок в делах, занятиях с трезвым анализом, режимом, осторожностью, совершенствованием, со строгими экзаменами и перспективой»⁹ (курсив мой. – Г. К.).

Но прагматизм – свойство не только американского характера, он присущ и европейцам (составляет *типичное душевное* у них), вообще составляет известную душевную особенность не только современной, но и *Старой Европы* (Европы прошлых веков). В этом отношении весьма ценными представляются рассуждения философа, известного специалиста по истории западноевропейской философии (в частности философии европейского Просвещения) Т. Б. Длугач о понятии *здорового смысла*. Профессор Длугач показывает *принципиальное значение здорового смысла* (понимаемого ей как «особая способность рассудка, а именно умение самостоятельно рассуждать о предметах и событиях повседневной жизни, умение, которое соотносится с более широкой способностью разума судить обо всех явлениях и объектах бесконечной действительности») для становления новоевропейской культуры, и в частности для вышедшей из нее *политической демократии*¹⁰. «Человек, обладающий здоровым смыслом, спокойно налаживает свой быт, оптимально организует работу, находит наилучший выход из возникающих на жизненном пути тупиков.

⁹ Бурно М. Е. Профессионализм и клиническая психотерапия // Психотерапия. 2008. № 2. С. 17.

¹⁰ Длугач Т. Б. Подвиг здорового смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. С. 4.

...Отсутствие здравого смысла оборачивается полной неприспособленностью к житейским ситуациям, ведет к непрерывным коллизиям и даже катастрофам»¹¹ (курсив мой. — Г. К.). В другом месте Т. Б. Длугач также отмечает такую специфическую черту здравого смысла, как его *особая внутренняя связь с индивидуальной ответственностью*, ответственностью человека за свою повседневную жизнь, «за этот поступок, за этот день, за это содержание своего поведения»¹².

Демократия на Западе и в России.

Безусловно, рассуждения исследовательницы о здравом смысле носят *теоретический* характер и не связаны с характерологией, но за ее описаниями здравогомыслящего субъекта Нового времени без труда угадываются черты *определенного характерологического склада*, душевной структуры *аутистического европейца-прагматика* («автономного индивида» классических философов Нового времени). Однако в каком смысле прагматически-аутистическое душевное устройство обнаруживает здесь связь с *определенной политической формой*, с демократией? Думаю, дело в том, что сама демократия по своей сути — вполне прагматическое устройство и представляет собой не что иное, как *искусно разработанный механизм, машину согласования интересов*. И этот механизм, машина (точнее, ее модель) не случайно возникла в период раннего европейского модерна (ранней Современности) с его нарождающимся капитализмом, бурно утверждавшим себя индивидуализмом собственников и неизбежно возникавшими в этой конкурентной среде экономическими и политико-правовыми *конфликтами* (вплоть до состояния «войны всех против всех», описанного Томасом Гоббсом). И вот именно демократия (и в более широком смысле *общественный договор, социальный контракт*, теоретически описанный новоевропейскими мыслителями XVII–XVIII вв.) как особого рода искусственное изобретение становится для новоевропейского человека спасительным выходом из создавшегося положения. «...*В собственном смысле демократия и есть система компромиссов; это не власть большинства (или даже всего народа), а реальность компромиссов между различными группами, слоями, партиями, индивидами*. В подобных компромиссах (или, как сказали бы сейчас, консенсусах) *утверждается не что иное, как партнерство, способствующее укреплению социального равенства*. Иными словами, компромисс, по сути дела, есть выражение *обоюдного (всестороннего) уважения и признания прав других автономных личностей*»¹³ (курсив мой. — Г. К.).

Совсем не то мы имеем возможность наблюдать в России. Будучи вынужденной обратиться к опыту западной демократии на рубеже 1980–1990-х годов (в попытке выйти из глубокого кризиса социально-экономической системы), Россия в результате так и не смогла *в полной мере* освоить правила демократической жизни. Приведу в этой связи глубокое и очень точное наблюдение известного социального философа, одного из ведущих в России специалистов по теории модернизации В. Г. Федотовой. Как показывает исследователь, анализируя социальную и политическую ситуацию 1990-х годов, несмотря на официально провозглашенный переход к демократии, десятилетие демократических преобразований было настолько далеко от исходной (и как утверждалось, реализуемой в России) западной модели, что речь скорее должна идти не о демократии, а о *совсем ином* (противоположном ей) *типе социального и политического порядка*, который обозначается философом как «анархия»¹⁴. (курсив мой. — Г. К.). Яркой иллюстрацией того, о чем говорит Валентина Гавриловна, может быть приводимый ею же пример электоральной компании 1996 года, когда народ, к тому времени уже серьезно уставший от новых российских реформаторов, в

¹¹ Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла. М., 2008. С. 4.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 9–10; см. также: с. 284–288.

¹⁴ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 223.

очередной раз (вопреки ожиданиям многих) проголосовал за Ельцина (а не за коммунистов, шансы которых оценивались на тот момент достаточно высоко). И причиной тому, как показывает Федотова, было вовсе не «оболванивание» электората из телеэфира, а нечто другое, неожиданное — боязнь миллионов людей, что «коммунисты заставят их работать — вернуть к станкам, цехам, полям и фермам». «Они (россияне. — Г. К.) уже не хотели оставить частный извоз, холодную палатку, свой огород, сомнительный бизнес и пр. (Я уже не говорю о криминальных делах, в которые еще, слава Богу, было вовлечено не все самодеятельное население.) Миллионы людей не хотели уходить из натурального хозяйства, в которое они попали (попали в результате деиндустриализации 1990-х годов и вызванной ей массовой потери работы. — Г. К.), и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении — волю (вместо свободы как политической системы и цивилизующей силы)»¹⁵ (курсив мой. — Г. К.). «Анархическое понимание свободы является типичным для России, в которой обнаруживается вторичная ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью, а также тяготение к анархическому представлению о свободе как воле», — заключает В. Г. Федотова¹⁶.

Таким образом, сравнительный анализ западной демократии в ее истоках и специфических особенностей понимания демократии в России свидетельствует о *глубоком и вряд ли до конца преодолимом различии в характерах, мироощущении русского человека и человека западного* (описанного выше аутиста-прагматика). Если западный человек в силу особенностей своей души (аутистически-идеалистической) склонен к самоорганизации, ответственности и дисциплине (результатом чего и становится демократия), то русский, опять-таки в силу своих природных душевных особенностей, мало способен (по своей воле) жить по *определенным четким правилам*, предпочитая (особенно в условиях цивилизационного кризиса и сопровождающего его распада государства) социально-организованной свободе *свободу как волю, анархию*. И эта психологическая особенность русского, русского человека, коренным образом отличающая его от человека западного, проистекает, согласно М. Е. Бурно, из вообще *дефензивной* (точнее, дефензивно-реалистической, материалистической) природы русской души¹⁷.

Значит ли это, что демократия (как произведение иной, аутистически-идеалистической, прагматической природы души) обречена в России? Несмотря на все неудачи демократии в нашей стране, все же не хотелось бы думать так. Демократия, как уже отмечалось, представляет собой универсальную ценность, и можно согласиться с профессором И. К. Пантиним, что сегодня и незападные народы (включая Россию) должны пытаться усваивать ее опыт¹⁸. Другое дело, что нам, русским, надо стараться более тщательно изучать свои национальные (в том числе национально-психологические) особенности с тем, чтобы, осторожно перенимая западный опыт, постепенно создавать *основы собственного проекта политического устройства* (если и не вполне демократического в классическом, западном понимании, то хотя бы с *существенными элементами* западноевропейской демократии), начало теоретическому осмыслению которого уже положено в научной среде¹⁹. И, конечно же, вместе с избирательным усвоением западного опыта по возможности пытаться привить себе *хотя бы толику той организованности, собранности, внутренней дисциплины*, которая *от природы* свойственна западным, аутистическим с педан-

¹⁵ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 224.

¹⁶ Там же. С. 225; см. также: С. 98–151.

¹⁷ Бурно М. Е. О характерах людей. С. 353–354.

¹⁸ См.: Пантин И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 6. С. 113–135.

¹⁹ См.: Демократия для России — Россия для демократии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. А. А. Гусейнов. М., 2008.

тичностью людям, и которая во многом обеспечивает успех западных ценностей и основанного на них западного образа жизни.

DEMOCRACY IN POST-SOVIET RUSSIA: VIEW FROM CHARACTEROLOGIC CREATOLOGY

G.J. KANARSH

*Institute of Philosophy of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow*

e-mail: grigkanarsh@yandex.ru

In article from positions characterologic creatology (new interdisciplinary approach to creativity research — in the widest sense, including political, economic creativity) the modern reasons of difficulties of rooting of democracy on Russian «soil» are considered. The generalised characteristic of this «soil» (national-characterologic features), in comparison with the similar western (the Western Europe, the USA) national-characterologic features is given. The author aspires to underline that I «will get-tost» modern liberal democracy pragmatism, peculiar in to a measure to the West, than Russia, is not fatal to development of certain forms of democracy in our country.

Key words: democracy, national character, a pragmatism, Russia, the West.